

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-4>

УДК 332.1

JEL: D31; D63; E24; J62

Т. М. Малева , М. А. Карцева , П. О. Кузнецова

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация

НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НАСЕЛЕНИЕМ¹

Аннотация. Неравенство доходов, обусловленное неравенством возможностей, может приводить к замедлению экономического развития и социальной нестабильности. В работе проводится анализ неравенства возможностей в трех регионах России (Москва, Ставропольский край, Челябинская область). Для каждого региона получены оценки вклада неравенства возможностей в неравенство доходов (объективные оценки), а также проанализировано субъективное восприятие неравенства возможностей населением (субъективные оценки). Проведено сопоставление объективных показателей неравенства возможностей на уровне регионов и на национальном уровне. Важным направлением работы является анализ соответствия субъективного восприятия неравенства возможностей населением региона его объективным оценкам. Эмпирической базой исследования являются данные специализированного социологического обследования населения, проведенного РАНХиГС в 2019 г. В работе используются методы, обеспечивающие сопоставимость наших оценок с результатами, полученными в работах российских и зарубежных ученых. На региональном уровне вклад неравенства возможностей в трудовые доходы составляет 9–12 %, а в среднедушевые – 7–13 %, что заметно ниже общенациональных оценок, полученных в более ранних исследованиях. Мы объясняем это, в частности, наличием в России существенного межрегионального неравенства. Интегральный индекс субъективного восприятия неравенства возможностей, построенный на базе информации о восприятии населением различных факторов достижения успеха, показывает, что 14–20 % населения в регионах оценивают проблему неравенства возможностей как важную или очень важную, а 6–11 % – как очень важную. С помощью регрессионного анализа факторов субъективного неравенства возможностей в работе показано, что высокий уровень образования и самооценки собственного материального положения снижает остроту восприятия неравенства возможностей. Значительных региональных различий выявлено не было – восприятие неравенства в большей степени определяется не местом проживания, а индивидуальными характеристиками респондентов. Объективные и субъективные оценки регионального неравенства возможностей заметно различаются, что согласуется с выводами международных исследований. Например, в Ставропольском крае восприятие неравенства возможностей выше, чем в других регионах, а объективная оценка вклада неравенства возможностей, наоборот, ниже. Для формирования полной картины регионального неравенства возможностей необходимо проведение специализированного обследования, репрезентативного на уровне населения регионов.

Ключевые слова: неравенство возможностей, неравенство доходов, восприятие неравенства, регионы России

Благодарность

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326). Авторы выражают свою искреннюю признательность двум анонимным рецензентам и своим коллегам И. А. Денисовой и А. А. Пересецкому за чрезвычайно полезные замечания и комментарии. Также благодарим участников семинаров и конференций в РАНХиГС, НИУ-ВШЭ, МГУ за ценные комментарии и предложения.

Для цитирования: Малева Т. М., Карцева М. А., Кузнецова П. О. (2022) Неравенство возможностей в российских регионах: объективные оценки и особенности восприятия населением. *Экономика региона*, Т. 18, вып. 3. С. 673–686. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-4>.

¹ © Малева Т. М., Карцева М. А., Кузнецова П. О. Текст. 2022.

RESEARCH ARTICLE

Tatyana M. Maleva , Marina A. Kartseva , Polina O. Kuznetsova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Inequality of Opportunity in Russian Regions: Objective Estimates and Population Perception

Abstract. Income inequality driven by inequality of opportunity can lead to slower economic growth and social instability. The present paper analyses inequality of opportunity in three Russian regions, namely, Moscow, Stavropol krai and Chelyabinsk oblast. For each region, the contribution of unequal opportunities to income inequality (objective estimates), as well as the population perception of inequality of opportunity (subjective estimates) were examined. The existing estimates of inequality of opportunities in Russia at the regional and national levels were compared. Additionally, the correspondence between the subjective perception of inequality of opportunities by the population of the region and its objective estimates was considered. The research is based on the data of a sociological survey conducted by the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in 2019. Methods ensuring the comparability of the obtained estimates with the results presented in the works of Russian and foreign scientists were utilised. The contribution of inequality of opportunity at the regional level ranges from 9 to 12 % for labour income and from 7 to 13 % for average per capita income; these values are considerably lower than the national estimates reported in earlier studies. This situation can be explained, among other things, by significant interregional inequality in Russia. The composite index of subjective inequality of opportunities, constructed in accordance with people's perception of various success factors, shows that 14–20 % of the population in the above regions consider the problem of inequality of opportunity as important or very important, and 6–11 % as very important. The conducted regression analysis shows that higher levels of education and well-being correspond to less acute perception of inequality of opportunity. No significant regional differences were found, since the perception of inequality mostly depends on individual characteristics of the respondents rather than on their place of residence. The considerable difference between the objective estimates of regional inequality of opportunity and its perception is consistent with the results of international studies. For example, the perception of inequality of opportunity in Stavropol krai is higher than in other regions, while its objective estimate, on the contrary, is lower. To form a complete picture of inequality of opportunity in Russian regions, it is necessary to conduct a survey designed to be representative at the regional level.

Keywords: inequality of opportunity, income inequality, perception of inequality, Russian regions

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of the research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (the grant No. 075-15-2022-326). The authors express their sincere gratitude to two anonymous reviewers and their colleagues Irina Denisova and Anatoly Peresetskiy for extremely helpful remarks and comments. The authors also thank the participants of workshops and conferences at RANEPА, HSE University and Moscow State University for their valuable comments and suggestions.

For citation: Maleva, T. M., Kartseva, M. A. & Kuznetsova, P. O. (2022). Inequality of Opportunity in Russian Regions: Objective Estimates and Population Perception. *Ekonomika regiona/Economy of regions*, 18(3), 673-686, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-4>.

Введение

Доходное неравенство — неоднозначное явление как с социальной, так и с экономической точки зрения. Неравенство, обусловленное различиями в усилиях индивидов, является социально приемлемым и способно стимулировать экономический рост (Kuznets, 1955). В то же время неравенство доходов, причиной которого являются разные стартовые возможности людей (например, место рождения, характеристики родительской семьи, пол и др.), остро воспринимается обществом

и может стать поводом для социальной нестабильности. Неравенство возможностей приводит к неоптимальному распределению усилий, неэффективному использованию человеческого капитала и, как следствие, является фактором, тормозящим экономическое развитие (Marrero, Rodríguez, 2013; Aiyar, Ebeke, 2020; Spignati, 2020).

Начиная с середины 2000-х гг., в экономической литературе появилось значительное количество эмпирических работ, посвященных количественной оценке вклада неравенства воз-

возможностей в неравенство доходов населения разных стран (см. обзор в (Ferreira, Peragine, 2015; Карцева, Кузнецова, 2020)). Однако открытым остается вопрос о том, в какой степени полученные оценки являются отражением реальных процессов, происходящих в обществе. При исследованиях доходного неравенства многие исследователи отмечают значимость его субъективного восприятия: для поддержания экономической, социальной и политической стабильности общества важно не расчетное значение показателя неравенства распределения доходов населения, а то, как воспринимают неравенство люди — как избыточное или как приемлемое (например, Gimpelson, Treisman, 2018; Монусова, 2016). Аналогичная логика применима и к неравенству возможностей: интерес представляют не только объективные расчетные оценки, основанные на анализе распределения доходов индивидов с учетом их стартовых возможностей, но и субъективное мнение населения по поводу того, насколько для достижения успеха в жизни важны собственные усилия человека, а насколько — факторы, на которые он никак не может повлиять. Именно субъективное восприятие неравенства возможностей является фактором, во многом определяющим уровень усилий людей.

В последние годы стали появляться исследования неравенства возможностей, в которых наряду с объективными оценками также изучаются вопросы восприятия населением неравенства возможностей в целом и его отдельных аспектов (Brunori, 2017; Brock, 2016; Rampino et al., 2018). Эти работы показывают, что восприятие неравенства возможностей и его объективные оценки могут существенно различаться.

Насколько нам известно, объем исследований, посвященных оценке вклада неравенства возможностей в неравенство доходов в России, ограничен. Все эти работы базируются на национально репрезентативных данных и не рассматривают неравенство возможностей на уровне регионов, что в основном связано с ограничениями доступных эмпирических данных. Исследование объективного и субъективного неравенства возможностей на региональном уровне представляет собой весьма актуальную задачу. Понимание того, в какой степени стартовые возможности людей определяют их доходы и как люди воспринимают существующее неравенство возможностей, может стать важным фактором формирования региональной социальной политики, особенно в части разработки эффективных ка-

налов социальной мобильности (например, обеспечение равенства доступа к качественному образованию).

В ходе исследования был выдвинут ряд гипотез. Мы предполагаем, что вклад неравенства возможностей на региональном уровне ниже по сравнению с аналогичным показателем для страны в целом из-за наличия межрегиональной компоненты неравенства. Также можно предположить, что неоднородность социально-экономического развития российских регионов может привести к значительной вариации неравенства возможностей на региональном уровне. Третьей важной гипотезой исследования стало наличие взаимосвязи между объективными и субъективными оценками неравенства возможностей в российских регионах.

Научная новизна данного исследования состоит в получении количественных оценок объективного и субъективного неравенства возможностей в отдельных регионах, а также в проведении сравнительного анализа этих показателей. Эмпирической основой анализа являются данные специализированного обследования населения по вопросам неравенства возможностей, проведенного в трех регионах РФ (Ставропольский край, Челябинская область, Москва). Подобное обследование проводится в России впервые. В работе используются методы, обеспечивающие сопоставимость наших оценок с результатами, полученными в работах российских и зарубежных ученых.

В статье представлен краткий обзор литературы, а также описание данных и методики расчетов. Результаты исследования включают расчетные оценки неравенства возможностей в трех регионах, полученные с помощью параметрического подхода, оценки субъективного восприятия неравенства возможностей, а также их сравнение. Завершают статью краткие выводы.

Обзор литературы

Концепция равенства возможностей впервые появилась в трудах британского историка экономики социалиста Р. Тауни (Tawney, 1964). Дальнейшее развитие эта концепция получила в работах философов Р. Арнесона, Р. Дворкина, Дж. Козна, Дж. Ролса (Arneson, 1989; Dworkin, 1981a, 1981b; Cohen, 1989; Rawls, 1971). Равенство возможностей является базовым элементом теории справедливости, предложенной нобелевским лауреатом, экономистом и философом А. Сеном (Sen, 1985). В настоящее время в либеральном обществе равен-

ство возможностей лежит в основе понимания социальной справедливости. Неравенство достижений, обусловленное факторами, на которые человек не может влиять, рассматривается как несправедливое, социально неприемлемое (неравенство возможностей).

Существенный вклад в разработку теоретической концепции неравенства возможностей внесли работы Дж. Рёмера (Roemer, 1993, 1998). Рёмер формализовал идею равенства возможностей — он разделил факторы достижения успеха на стартовые возможности (характеристики, которыми человек наделяется при рождении) и усилия (характеристики, зависящие от индивидуального поведения человека). Согласно Рёмеру, равенство возможностей достигается в том случае, если распределение доходов населения зависит только от усилий и не зависит от стартовых возможностей. Данный теоретический подход лег в основу большинства современных эмпирических подходов к изучению неравенства возможностей (например, параметрический (Bourguignon, Ferreira, Menéndez, 2007) и непараметрический подходы (Checchi, Peragine, 2010))

Оценки вклада неравенства возможностей в неравенство доходов населения разных стран существенно различаются. Относительно невысокий вклад неравенства возможностей в неравенство трудовых доходов населения в развитых европейских странах (Checchi, Peragine, 2010; Marrero, Rodríguez, 2012; Checchi, Peragine, Serlenga, 2015). Значительно в большей степени неравенство стартовых возможностей определяет доходное неравенство в странах Латинской Америки (Bourguignon, Ferreira, Menéndez, 2007; Ferreira, Gignoux, 2008) и развивающихся странах (Hassine, 2012; Singh, 2012; Golley, Zhou, Wang, 2019). Наиболее высокий вклад неравенства возможностей в неравенство доходов населения отмечается в странах Африки (Brunori, Palmisano, Peragine, 2019).

В России количество исследований, посвященных анализу вклада неравенства возможностей в неравенство доходов населения, ограничено. Количественные оценки были получены в работах (Ибрагимова, Франц, 2019; Ибрагимова, Франц, 2020), выполненных на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2011 г. и в работе М.А. Карцевой и П.О. Кузнецовой (Карцева, Кузнецова, 2020), базирующейся на данных обследования «Человек, семья, общество», проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2013 г. Показано, что в России неравенство стартовых возможностей объясняет до 25 % неравенства трудовых доходов и до 21 % неравенства

среднедушевых доходов населения. Насколько нам известно, репрезентативных исследований неравенства возможностей в России на региональном уровне не проводилось.

Помимо количественной оценки неравенства возможностей на региональном уровне, важным фокусом работы является его субъективное восприятие. Субъективное неравенство возможностей измеряется с помощью вопросов о важности тех или иных факторов для достижения успеха в жизни. В исследовании Л. Маккол (McCall, 2013) они разделяются на две группы: те факторы, на которые человек в состоянии повлиять (упорный труд, хорошее собственное образование и амбиции), и те факторы, которые от его усилий не зависят (связи, образование и богатство родителей, а также расовая принадлежность). Иногда связи с нужными людьми выделяются в отдельную группу наиболее «несправедливых», или немеритократических, то есть никак не связанных с личными заслугами, факторов (Park et al., 2010). Наиболее важными для достижения успеха люди считают факторы личных усилий, хотя влияние ключевых немеритократических факторов, таких как хорошее образование и богатство родителей, а также связи с нужными людьми, также весьма ощутимо.

Особо важным для нашего исследования является узкий круг работ, в которых неравенство возможностей оценивается и с помощью объективных характеристик респондентов, и на основе субъективного восприятия различных аспектов достижения успеха в жизни. Их авторы пытаются ответить на вопрос, соответствует ли способ, которым ученые измеряют неравенство возможностей, тому, как люди воспринимают его. В исследовании Брока (Brock, 2016) на данных 30 стран Восточной Европы и Центральной Азии исследуется связь между неравенством возможностей и ощущениями людей о справедливости процессов, которые определяют успех или неудачу. Было показано, что объективное (расчетное) неравенство возможностей не коррелирует с представлениями о детерминантах успеха. Субъективное восприятие неравенства возможностей скорее связано с другими факторами: доходным неравенством, уровнем безработицы и др.

В работе П. Брунори (Brunori, 2017) взаимосвязь объективных и субъективных оценок неравенства возможностей исследуется на данных для стран Европейского союза. С использованием упорядоченной логит-модели было показано, что индивидуальное восприятие не-

равных возможностей неоднородно по странам и отдельным социально-демографическим группам. Так же, как и в работе Брока (Brock, 2016), было доказано, что объективная оценка неравенства возможностей не играет существенной роли в объяснении его восприятия населением. Важными для восприятия неравенства возможностей оказываются другие факторы, в том числе особенности экономического развития страны, а также личный опыт социальной межпоколенческой мобильности.

Вклад нашей работы в представленную научную литературу состоит в расчете и сравнительном анализе объективных и субъективных оценок неравенства возможностей в трех российских регионах.

Данные и методы

Данные

Эмпирической базой работы являются данные специализированного социологического обследования «Дифференциация доходов и стартовых возможностей», проведенного ИНСАП РАНХиГС в марте 2019 г.¹ (далее ДДСВ-2019). Обследование было проведено в трех регионах РФ — в Ставропольском крае (903 наблюдения), в Челябинской области (900 наблюдений) и в Москве (900 наблюдений). Объектом обследования является население в возрасте от 25 до 50 лет. Для каждого региона выборка формировалась случайным образом на основе базы данных мобильных телефонных номеров Росвязи от 1 марта 2019 г. Данные опроса репрезентируют население регионов в возрасте 25–50 лет по полу и возрасту.

Отбор регионов для проведения обследования осуществлялся с учетом информации о географическом положении регионов, структуре их ВРП и неравенстве доходов населения. Так, Москва является регионом с относительно высоким уровнем неравенства доходов населения (коэффициент Джини в 2017 г. по оценкам Росстата составил 0,417), в Ставропольском крае неравенство может быть оценено как среднее (0,381), а в Челябинской области наблюдается относительно невысокий показатель неравенства (0,351). Если в Москве доминирующими отраслями являются оптовая и розничная торговля и услуги, то в Челябинске основу ВРП составляет обрабатывающая промышлен-

ность, а в Ставропольском крае лидируют сельское хозяйство и торговля. Подобный отбор регионов позволяет провести анализ неравенства возможностей в регионах разного типа.

Анкета обследования была разработана авторами; она содержит вопросы о родительской семье респондента, вопросы, посвященные субъективной оценке неравенства возможностей, а также вопросы, позволяющие определить основные социально-демографические характеристики респондента и его домохозяйства.

Объективное неравенство возможностей

В работе проводится эмпирическая оценка объективного показателя вклада неравенства возможностей в неравенство трудовых и среднедушевых доходов населения трех регионов страны. Используется параметрический подход, предложенный в работе Ф. Бургиньона, Ф. Феррейры и М. Менендес (Bourguignon, Ferreira, Menéndez, 2021). В основе подхода лежит построение с помощью эконометрических методов гипотетического распределения доходов, которое достигалось бы при условии равенства стартовых возможностей.

В данном исследовании при проведении параметрического оценивания неравенства возможностей в регионах России мы опираемся на методологический подход, ранее примененный в работе М. А. Карцевой и П. О. Кузнецовой (Карцева, Кузнецова, 2020) для изучения неравенства возможностей на уровне страны. Важным преимуществом использования этой методологии является возможность прямого сопоставления результатов, полученных на уровне страны и на уровне отдельных регионов. Согласно этой методике, гипотетическое распределение доходов в работе было построено с учетом следующих показателей стартовых возможностей индивидов: пол, место рождения, образование матери, образование отца. Для этого в работе для каждого региона с помощью метода наименьших квадратов было проведено оценивание регрессионного уравнения зависимости величины доходов от показателей стартовых возможностей индивида. На основе полученных оценок был выполнен прогноз гипотетических доходов при условии равенства стартовых возможностей.

Вклад неравенства возможностей (Θ_r) в неравенство индивидуальных доходов населения региона r был определен как

$$\Theta_r = \frac{I_r(inc) - I_r(\widetilde{inc})}{I_r(inc)}, \quad (1)$$

¹ Подробнее с обследованием можно ознакомиться на сайте РАНХиГС (см. Дифференциация доходов и стартовых возможностей — 2019. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/95-differentsiatsiya-dokhodov-i-startovykh-vozmozhnostej-2019> (дата обращения: 30.12.2020)).

где $I_r(inc)$ — среднее логарифмическое отклонение наблюдаемых доходов населения, а $I_r(\widetilde{inc})$ — среднее логарифмическое отклонение гипотетических доходов населения региона r .

Субъективное неравенство возможностей

Для оценки субъективного неравенства возможностей в регионах исследования нами была применена методика, близкая к ранее применявшимся в работах Брука, Брунорни, Рампино и соавторов (Brock, 2016; Brunori, 2017; Rampino et al., 2018). Методика была адаптирована с учетом поставленных задач и имеющихся эмпирических данных. В качестве меры восприятия неравенства возможностей был использован интегральный индекс, агрегирующий информацию, содержащуюся в 6 вопросах исследования ДДСВ-2019 о важности различных факторов для успешного продвижения по жизни. Три из шести вопросов касаются характеристик, на которые индивидум не в состоянии повлиять (происхождение из богатой семьи, знакомства, связи с «правильными» людьми, хорошее образование родителей). Три оставшихся вопроса, напротив, характеризуют усилия, предпринимаемые респондентами для успешной реализации жизненных планов: хорошее собственное образование, наличие амбиций, а также упорный труд.

Варианты ответа на каждый из вопросов включали 5 значений, от 1 (абсолютно не важно) до 5 (очень важно), причем для вопросов о характеристиках усилий использовалась обратная шкала, от 1 (очень важно) до 5 (абсолютно не важно), что позволяло их рассматривать вместе с характеристиками обстоятельств. Индивидуальное значение индекса восприятия неравенства возможностей определялось как медианное значение последовательности из шести ответов, которые дал респондент.

Полученные результаты

Объективное неравенство возможностей

В таблице 1 представлены результаты оценки вклада неравенства возможностей в неравенство трудовых и среднедушевых доходов населения рассматриваемых трех регионов страны $I(inc)$ — оценка неравенства наблюдаемых доходов населения, $I_r(\widetilde{inc})$ — оценка неравенства гипотетических доходов населения, Θ — доля неравенства возможностей в неравенстве доходов населения).

Анализ показал, что 8,5 %, 11,5 % и 8,6 % регионального неравенства трудовых доходов соответственно в Ставропольском крае, Челябинской области и Москве объясняется неравенством стартовых возможностей. Вклад неравенства возможностей в неравенство

Таблица 1

Вклад неравенства возможностей в неравенство доходов населения трех регионов России
(доля общего неравенства)

Table 1

Contribution of unequal opportunities to income inequality of the population of three Russian regions
(share of total inequality)

	Ставропольский край	Челябинская область	г. Москва
<i>Трудовые доходы</i>			
$I(inc_w)$	0,307 [0,029]	0,210 [0,015]	0,303 [0,030]
$I(\widetilde{inc_w})$	0,281 [0,032]	0,186 [0,012]	0,277 [0,028]
Θ	0,085 [0,045]	0,115 [0,032]	0,086 [0,025]
Число наблюдений	599	632	546
<i>Среднедушевые доходы</i>			
$I(inc_hh)$	0,430 [0,070]	0,293 [0,018]	0,451 [0,045]
$I(\widetilde{inc_w})$	0,400 [0,062]	0,256 [0,016]	0,404 [0,038]
Θ	0,070 [0,026]	0,127 [0,031]	0,103 [0,031]
Число наблюдений	662	678	644

Примечание: В скобках указаны стандартные ошибки, полученные методом бутстрапа.
Источник: расчеты авторов на данных ДДСВ-2019.

среднедушевых доходов этих регионов соответственно составил 7,0 %, 12,7 % и 10,3 %.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на региональном уровне вклад неравенства возможностей в доходное неравенство населения существенно ниже, чем на национальном. В предыдущей работе авторов с использованием сопоставимой методологии было показано, что вклад неравенства возможностей в общее неравенство трудовых доходов на национальном уровне составляет 23–25 % и 16–19 % для трудовых и среднедушевых доходов соответственно (Карцева, Кузнецова, 2020). Аналогичные оценки на национальном уровне были получены в работе (Ибрагимова, Франц, 2020) – 18–24 % для трудовых доходов и 12–21 % для среднедушевых доходов.

Чем можно объяснить наблюдаемое различие? С одной стороны, проведения анализа в трех регионах недостаточно для распространения выводов на все регионы России. Возможно, что вариация вклада неравенства возможностей в региональное неравенство существенно выше той, что мы наблюдаем в данном исследовании, и существуют регионы как с относительно низким, так и с относительно высоким вкладом неравенства возможностей.

Однако, с другой стороны, существует и другое, с нашей точки зрения, более веро-

ятное объяснение наблюдаемого различия. Скорее всего, неравенство возможностей является фактором не только внутри-, но и межрегионального неравенства доходов. Очевидно, что оценка неравенства доходов на национальном уровне учитывает оба компонента неравенства, что увеличивает показатель вклада неравенства возможностей в общее неравенство на национальном уровне по сравнению с региональным. Более глубокое исследование данного вопроса на текущий момент ограничено отсутствием необходимых эмпирических данных.

Субъективное неравенство возможностей

Информация о восприятии населением трех рассмотренных регионов (Челябинской области, Ставропольского края и Москвы) различных аспектов неравенства возможностей представлена в таблице 2. Доля респондентов, для которых интегральный индекс восприятия неравенства возможностей принимает значения «важно» или «очень важно», составляет 15–21 % в зависимости от региона.

Сопоставляя данные о восприятии населением отдельных аспектов неравенства, можно сделать следующие выводы. Во-первых, наиболее важными для успеха в жизни являются факторы, связанные с усилиями, предпринимаемыми человеком для реализации своих

Таблица 2

Информация о распределении ответов на вопросы о важности факторов успеха в жизни и индивидуального индекса восприятия неравенства возможностей

Table 2

Distribution of answers to questions about the importance of success factors and the individual index of perception of inequality of opportunity

Вариант ответа	Доля считающих, что данный фактор не важен или абсолютно не важен (значения 1 или 2), по регионам, %			Доля считающих, что данный фактор важен или очень важен (значения 4 или 5), по регионам, %		
	Ставроп. край	Челябинск. обл.	Москва	Ставроп. край	Челябинск. обл.	Москва
<i>Меритократические факторы (характеристики собственных усилий)</i>						
Собственное хорошее образование	9,4	6,4	5,3	78	79	79,3
Наличие амбиций	12,9	13,1	5,2	62	61	76,6
Упорный труд	6,2	5,1	5,9	84,8	82,6	84
<i>Немеритократические факторы (характеристики стартовых условий)</i>						
Происхождение из богатой семьи	33	32,8	29,2	43,1	36,9	39,4
Знакомства, связи с «правильными» людьми	12,1	11,6	7,3	70,9	70,8	74,4
Хорошее образование родителей	21,2	23,9	25,2	55,4	50,5	43,6
Индекс восприятия неравенства возможностей	48,8	48,7	53,3	19,6	16,8	14,1

Источник: расчеты авторов на данных ДДСВ-2019.

жизненных планов, — в первую очередь, это упорный труд и собственное образование. В результате этого суммарное восприятие респондентами неравенства возможностей является относительно невысоким: при суммировании результатов в общий индекс влияние факторов усилий оказывается сильнее. Эти результаты согласуются с оценками исследований на данных для других стран (McCall, 2013; Park et al., 2010).

Во-вторых, региональные различия в целом являются незначительными. В частности, рейтинг важности характеристик усилий и исходных обстоятельств оказался очень похожим для всех регионов опроса. Факторы расположились таким образом (в порядке снижения важности для успеха в жизни): упорный труд (83–85 %), хорошее собственное образование (78–79 %), знакомства с «нужными» людьми (71–74 %), наличие амбиций (62–76 %), хорошее образование родителей (44–55 %) и происхождение из богатой семьи (37–43 %).

Факторы различных компонент субъективного неравенства возможностей

Регрессионный анализ взаимосвязи компонент субъективного неравенства возможностей и индивидуальных характеристик респондентов позволяет определить факторы, которые при прочих равных оказывают значимое влияние на восприятие респондентами значимости различных составляющих успеха в жизни.

Для проверки устойчивости результатов анализ факторов проводился для двух определений субъективного неравенства возможностей с использованием вариантов ответов: 1) «важно» и «очень важно» для меритократических факторов (характеристик стартовых обстоятельств) или «не важно» и «абсолютно не важно» для меритократических факторов (характеристик усилий) и 2) «очень важно» и «абсолютно не важно» для характеристик стартовых условий и усилий соответственно. В таблице 3 представлены результаты применения регрессионной пробит-модели для более сильного варианта зависимой переменной («очень важно»). При использовании другого определения оценки существенно не меняются.

Снижают интегральную оценку субъективного неравенства возможностей такие факторы, как наличие высшего образования и высокая самооценка материального благосостояния. Кроме того, при прочих равных женщины оценивают неравенство возможностей ниже,

чем мужчины. Остальные независимые переменные оказались незначимы.

Зависимости, выявленные для отдельных компонент восприятия неравенства возможностей, суммированы ниже.

I. Характеристики стартовых условий:

1. Происхождение из богатой семьи. Ключевой характеристикой, оказывающей влияние на восприятие важности данного фактора для успеха в жизни, является самооценка респондентами материального положения (ниже для более богатых и выше для более бедных).

2. Связи. Снижают оценку важности данного фактора для достижения жизненного успеха высшее образование и высокая самооценка материального положения, снижают оценку важности фактора «низкий уровень благосостояния респондентов» и отсутствие у них работы.

3. Образование родителей. Снижают оценку важности факторов «высшее образование», «высокая самооценка текущего материального положения», а также «молодой возраст».

II. Характеристики трудовых усилий респондента:

1. Собственное образование. Представление о том, что хорошее собственное образование никак не влияет на успех в жизни, чаще встречается среди респондентов, не имеющих работы, и реже — среди респондентов с высшим образованием. Незначимы характеристики материального благосостояния.

2. Амбиции. Повышает вклад фактора в восприятие неравенства возможностей очень низкий уровень материального благосостояния; снижают — высшее образование и принадлежность к женскому полу.

3. Упорный труд. Повышает вклад данного фактора в восприятие неравенства возможностей низкий уровень материального благосостояния, снижает — молодой возраст и высокий уровень благосостояния.

Региональные характеристики в целом слабо сказываются на восприятии неравенства возможностей, и для интегрального индекса они оказались незначимыми.

Дискуссия: сравнение субъективного и объективного неравенства возможностей

На рисунке суммированы основные результаты оценки региональных значений субъективного (восприятие факторов успеха) и объективного (вклад характеристик, не зависящих от собственных усилий) неравенства возможностей. Интегральный индекс субъек-

Таблица 3
 Результаты регрессионного анализа зависимости показателей показателя субъективного неравенства возможностей от индивидуальных характеристик (предельные эффекты)
 Table 3

Независимая переменная	Меритократические факторы (1 — абсолютно не важно; 0 — иначе)		Немеритократические факторы (1 — очень важно; 0 — иначе)		Интегральный индекс (1 — неравенство возможностей очень важно; 0 — иначе)		
	Амбции	Собственное образование	Упорный труд	Связи		Образование родителей	Богатая семья
Респондент — женщина	-0.023* [0.010]	-0.015* [0.008]	-0.008 [0.007]	-0.005 [0.019]	-0.001 [0.018]	-0.022 [0.017]	-0.018* [0.011]
<i>Образование (эталонная категория — общее среднее образование и меньше)</i>							
Начальное профессиональное	0.065* [0.034]	0.010 [0.027]	-0.011 [0.015]	-0.013 [0.052]	0.002 [0.051]	-0.025 [0.042]	0.014 [-0.032]
Среднее профессиональное	-0.002 [0.017]	-0.016 [0.015]	-0.000 [0.011]	-0.021 [0.031]	-0.043 [0.031]	0.042 [0.027]	-0.005 [0.019]
Высшее профессиональное	-0.043*** [0.015]	-0.037*** [0.013]	-0.008 [0.010]	-0.091*** [0.029]	-0.180*** [0.028]	0.015 [0.025]	-0.049*** [0.017]
<i>Занятость (эталонная категория — есть работа)</i>							
Респондент не работает	0.012 [0.012]	0.018* [0.010]	0.010 [0.008]	0.046* [0.026]	0.025 [0.023]	0.014 [0.022]	0.021 [0.013]
<i>Самооценка благосостояния семьи на момент опроса (эталонная категория — среднее)</i>							
Очень плохое	0.049** [0.021]	0.014 [0.015]	0.055*** [0.019]	0.055 [0.038]	0.024 [0.035]	0.147*** [0.037]	0.014 [0.021]
Плохое	0.019 [0.014]	0.016 [0.012]	0.026** [0.011]	0.055** [0.028]	-0.053** [0.025]	0.091*** [0.027]	0.002 [0.016]
Хорошее	0.018 [0.013]	0.006 [0.011]	-0.011* [0.006]	-0.129*** [0.025]	-0.039* [0.023]	-0.130*** [0.019]	-0.039*** [0.012]
Очень хорошее	-0.022 [0.024]	0.010 [0.028]	0.026 [0.028]	-0.005 [0.063]	0.052 [0.061]	-0.086* [0.050]	-0.036 [0.029]
<i>Возраст (эталонная категория — 35 лет и старше)</i>							
Возраст: от 25 до 34 лет	-0.014** [0.010]	0.010 [0.009]	-0.019*** [0.007]	0.018 [0.020]	-0.037*** [0.018]	-0.027 [0.017]	-0.012 [0.011]
<i>Регион проживания (эталонная категория — Челябинская область)</i>							
Ставропольский край	0.007 [0.012]	0.014 [0.010]	0.011 [0.008]	0.044* [0.024]	0.023 [0.032]	0.033 [0.021]	0.018 [0.013]
Москва	-0.022* [0.011]	-0.011 [0.009]	0.009 [0.008]	0.046* [0.024]	-0.075*** [0.022]	-0.005 [0.021]	-0.009 [0.013]
Количество наблюдений	2672	2672	2672	2672	2672	2672	2672

Примечание — в скобках указаны стандартные ошибки.
 Источник: расчеты авторов на данных ДДСВ-2019.

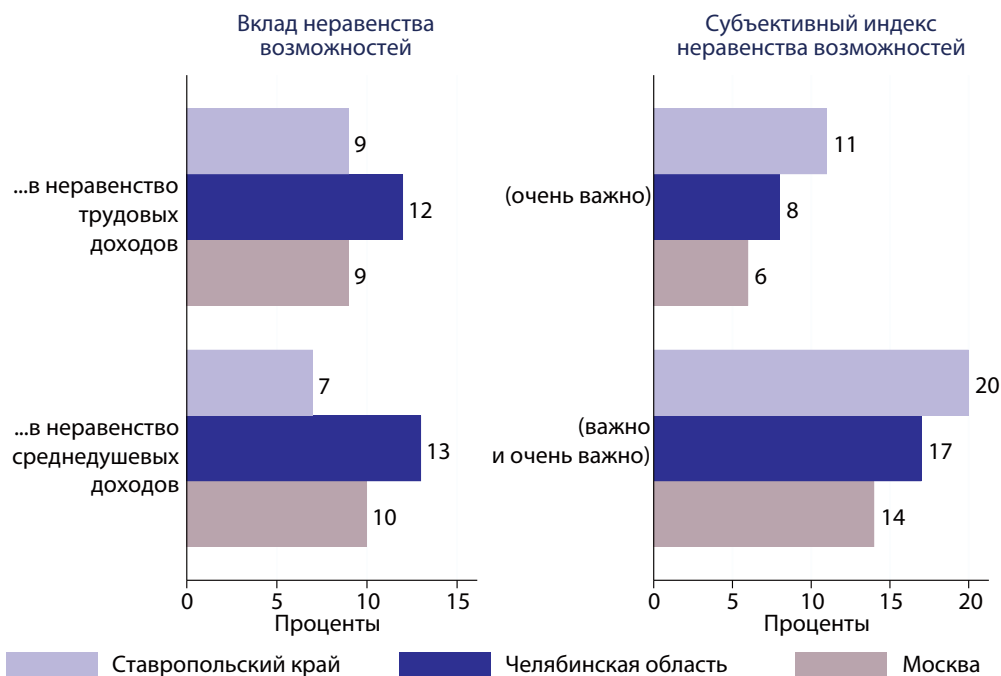

Рис. Показатели субъективного и объективного неравенства возможностей в трех регионах России (источник: расчеты авторов на данных ДДСВ-2019)

Fig. Indicators of subjective and objective inequality of opportunities in three Russian regions

тивного неравенства возможностей был рассчитан для двух вариантов определения: 1) как доля респондентов со значениями индекса 5 («очень важно (с точки зрения неравенства возможностей)»); 2) как доля респондентов со значениями индекса 4 и 5 («важно» и «очень важно»). Объективное неравенство возможностей также представлено двумя показателями (вклад неравенства возможностей в неравенство трудовых доходов и среднедушевых доходов соответственно).

Представленные данные демонстрируют, что субъективные представления населения о неравенстве возможностей не всегда отражают реальную ситуацию вклада характеристик стартовых условий в доходное неравенство. Так, например, в Ставропольском крае, где, согласно проведенным расчетам, наблюдается самая низкая оценка вклада неравенства возможностей в неравенство доходов населения региона (9 % для трудовых доходов и 7 % для среднедушевых доходов), отмечается самый высокий среди всех рассматриваемых регионов показатель субъективного восприятия неравенства возможностей (20 % или 11 %). Обратная ситуация отмечается в Челябинской области: объективная оценка неравенства возможностей выше, чем для других регионов (12 % и 13 % для трудовых и среднедушевых доходов соответственно), а субъективное восприятие неравенства возможностей заметно ниже, чем в Ставропольском крае. В наимень-

шей степени склонны отмечать несправедливость факторов успеха в жизни москвичи: субъективный индекс неравенства возможностей в Москве ниже, чем в других регионах исследования, что в целом согласуется с относительно низкими показателями объективной оценки вклада неравенства возможностей в трудовые и среднедушевых доходы.

Отсутствие существенной корреляции между объективным неравенством возможностей и его субъективным восприятием не является уникальным явлением. Результаты, полученные для трех регионов России, в целом согласуются с выводами исследований для других стран. В частности, в работах, выполненных для стран Европейского союза (Brunori, 2017) и стран Восточной Европы и Средней Азии (Brock, 2016), также было показано, что объективная оценка неравенства возможностей не играет существенной роли в объяснении его восприятия населением. Более важными здесь оказываются особенности экономического развития страны и личный опыт социальной мобильности респондентов.

Заклучение

В данной работе получены объективные и субъективные оценки вклада возможностей в неравенство доходов населения трех российских регионов (Москва, Ставропольский край, Челябинская область). Проведено сопоставление объективных показателей неравенства

возможностей на уровне регионов и на национальном уровне. Отдельное внимание в работе уделяется анализу соответствия субъективного восприятия неравенства возможностей населением его объективным оценкам в рассматриваемых регионах.

Объективное неравенство возможностей оценивалось с помощью эконометрической оценки вклада неравенства возможностей в региональное неравенство трудовых и среднедушевых доходов населения. Согласно проведенным расчетам, вклад неравенства возможностей в регионах исследования составил 9–12 % для трудовых доходов и 7–13 % для среднедушевых доходов, что заметно ниже аналогичных национальных показателей, полученных авторами ранее (Карцева, Кузнецова, 2020) — 23–25 % и 16–19 % для трудовых и среднедушевых доходов соответственно. С нашей точки зрения подобное расхождение региональных и национальных оценок объясняется существованием значительной межрегиональной компоненты неравенства возможностей. Также следует признать, что проведения анализа в трех регионах недостаточно для распространения выводов на все регионы России.

Субъективная оценка неравенства возможностей была рассчитана на основе интегрального индекса, учитывающего восприятие важности шести различных компонент жизненного успеха, как связанных с усилиями человека (собственное образование, труд и амбиции), так и с независящими от него (образование родителей, доход родителей, связи). Согласно проведенным расчетам, субъективное неравенство возможностей в регионах исследования находится в диапазоне 14–20 % — именно такая доля респондентов репрезентативных обследований в трех регионах страны оценила роль факторов жизненного успеха, не связанных с индивидуальными трудовыми усилиями, как важную или очень важную.

Регрессионный анализ факторов субъективного восприятия неравенства возможностей не выявил существенных региональных различий. Региональные характеристики оказались незначимыми и для интегрального индекса субъективного неравенства, и для трех

из шести его отдельных компонент. Как показывают результаты, восприятие неравенства в большей степени определяется не местом проживания, а индивидуальными характеристиками респондентов, в том числе уровнем их образования и текущего материального благосостояния.

Как показывают наши расчеты, объективные и субъективные оценки неравенства возможностей заметно различаются. Например, в Ставропольском крае восприятие неравенства возможностей выше, чем в других регионах, а объективная оценка вклада неравенства возможностей, наоборот, ниже. Полученные результаты согласуются с выводами международных исследований (Brock, 2016; Brunori, 2017).

Завершая изложение результатов исследования, отметим практическую значимость получения достоверных количественных оценок неравенства возможностей на региональном уровне. Корректная информация о масштабе объективного неравенства возможностей, равно как и об особенностях его восприятия населением, необходима для уточнения эффективности действующих и формирования новых механизмов выравнивания доходов в целом, и механизмов социальной мобильности как способов нивелирования влияния неравенства возможностей в частности. Например, представленный в работе подход к анализу неравенства возможностей может быть использован для оценки результативности системы ЕГЭ с точки зрения выравнивания доступа к высшему образованию. Также важными направлениями таких исследований могут стать гендерные и территориальные аспекты доступа к высшему образованию, анализ влияния образования родителей и дохода домохозяйства на результаты детей в средней школе и т. п. Однако подобная работа требует наличия и доступности для исследователей соответствующих микроданных. В частности, для формирования полной картины регионального неравенства возможностей необходимо проведение специализированного обследования, репрезентативного на уровне населения регионов.

Список источников

Ибрагимов З., Франц М. (2019). Неравенство возможностей в Российской Федерации: измерение и оценка на микроданных. *Прикладная эконометрика*, 54, 5–25. DOI: 10.24411/2076-4766-2017-10001.

Ибрагимов З., Франц М. (2020). Неравенство возможностей: теория и практика измерения на микроданных RLMS-HSE. *Экономическая политика*, 15 (1), 64–89. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-64-89.

Карцева М., Кузнецова П. (2020). Справедливое и несправедливое неравенство в России: оценка вклада неравенства возможностей в неравенство доходов. *Прикладная эконометрика*, 58 (2), 5–31. DOI: 10.22394/1993-7601-2020-58-5-31.

- Монусова Г. (2016). Чем определяется восприятие неравенства в доходах. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (1), 53–67.
- Aiyar S., Ebeke C. (2020). Inequality of opportunity, inequality of income and economic growth. *World Development*, 136, 105115. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105115.
- Arneson R. (1989). Equality and Equal Opportunity for Welfare. *Philosophical Studies*, 56 (1), 77–93. DOI: 10.1007/BF00646210.
- Bourguignon F., Ferreira F., Menéndez M. (2007). Inequality of opportunity in Brazil. *Review of income and wealth*, 53 (4), 585–618. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2007.00247.x.
- Brock J. M. (2016). Inequality of opportunity and beliefs about success and failure. *EBRD Working Paper*, 187. DOI: 10.2139/ssrn.3119696.
- Brunori P. (2017). The perception of inequality of opportunity in Europe. *Review of Income and Wealth*, 63(3), 464–491. DOI: 10.1111/roiw.12259.
- Brunori P., Palmisano F., Peragine V. (2019) Inequality of opportunity in sub-Saharan Africa. *Applied Economics*, 51(60), 6428–6458. DOI: 10.1080/00036846.2019.1619018.
- Cecchi D., Peragine V. (2010). Inequality of opportunity in Italy. *The Journal of Economic Inequality*, 8 (4), 429–450. DOI: 10.1007/s10888-009-9118-3.
- Cecchi D., Peragine V., Serlenga L. (2015). Income Inequality and Opportunity Inequality in Europe: Recent Trends and Explaining Factors. In 5th ECINEQ meeting, University of Luxembourg.
- Cohen G. A. (1989). On the currency of egalitarian justice. *Ethics*, 99 (4), 906–944.
- Dworkin R. (1981a). Part 1: Equality of Welfare. *Philosophy & public affairs*, 10 (3), 185–246.
- Dworkin R. (1981b). What is equality? Part 2: Equality of resources. *Philosophy & public affairs*, 10 (4), 283–345.
- Ferreira F., Gignoux J. (2008). The Measurement of Inequality of Opportunity: Theory and an Application to Latin America. *Review of income and wealth*, 57 (4), 622–657. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2011.00467.x.
- Ferreira F. H., Peragine V. (2015). Equality of opportunity: Theory and evidence. The World Bank. DOI: 10.1596/1813-9450-7217.
- Gimpelson V., Treisman D. (2018). Misperceiving inequality. *Economics & Politics*, 30(1), 27–54. DOI: 10.1111/epco.12103.
- Golley J., Zhou Y., Wang M. (2019). Inequality of opportunity in China's labor earnings: The gender dimension. *China and World Economy*, 27 (1), 28–50. DOI: 10.1111/cwe.12266.
- Hassine N. (2012). Inequality of opportunity in Egypt. *The World Bank Economic Review*, 26(2), 265–295. DOI:10.2307/41679561.
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American economic review*, 45 (1), 1–28.
- Marrero G., Rodríguez J. (2013). Inequality of opportunity and growth. *Journal of Development Economics*, 104, 107–122. DOI: 10.1016/j.jdevco.2013.05.004.
- Marrero G. A., Rodríguez J. G. (2012). Inequality of opportunity in Europe. *Review of Income and Wealth*, 58 (4), 597–621. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2012.00496.x.
- McCall L. (2013). Why Do Americans Care about Income Inequality? In: *The Undeserving Rich: American Beliefs about Inequality, Opportunity, and Redistribution* (pp. 137–185). Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139225687.006.
- Park A., Curtice J., Clery E., Bryson C. (2010). British Social Attitudes Survey: *British social attitudes: The 27th report: exploring Labour's legacy*. London : SAGE Publications Ltd. DOI: 10.4135/9781446268254.
- Rampino T., Brunori P., Martinez Jr A., Western M. (2018) *An international comparison of subjective perceptions of inequality of opportunity*. URL: <https://esacental.org.au/images/RampinoT.pdf> (date of access: 30.12.2020).
- Rawls J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts, London, England, Harvard University Press. DOI: 10.2307/j.ctvjf9z6v.
- Roemer J. (1998). *Equality of Opportunity*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 128.
- Roemer J. E. (1993). A pragmatic theory of responsibility for the egalitarian planner. *Philosophy & Public Affairs*, 22(2), 146–166.
- Sen A. (1985). Capabilities and commodities. Amsterdam, New York, North-Holland, 130.
- Singh A. (2012). Inequality of opportunity in earnings and consumption expenditure: The case of Indian men. *Review of Income and Wealth*, 58 (1), 79–106. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2011.00485.x.
- Spignati A. (2020). *Inequality of Opportunity, Inequality of Effort, and Innovation*. EUI Working Paper MWP 2020/02. European University Institute. URL: <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/66407> (date of access: 30.12.2020).
- Tawney R. H. (1964). *Equality*. London, Unwin Books, 255.

References

- Aiyar, S. & Ebeke, C. (2020). Inequality of opportunity, inequality of income and economic growth. *World Development*, 136, 105115. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105115.
- Arneson, R. (1989). Equality and Equal Opportunity for Welfare. *Philosophical Studies*, 56(1), 77–93. DOI: 10.1007/BF00646210.

- Bourguignon, F., Ferreira, F. & Menéndez, M. (2007). Inequality of opportunity in Brazil. *Review of income and wealth*, 53(4), 585-618. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2007.00247.x.
- Brock, J. M. (2016). Inequality of opportunity and beliefs about success and failure. *EBRD Working Paper*, 187. DOI: 10.2139/ssrn.3119696.
- Brunori, P. (2017). The perception of inequality of opportunity in Europe. *Review of Income and Wealth*, 63(3), 464-491. DOI: 10.1111/roiw.12259.
- Brunori, P., Palmisano, F. & Peragine, V. (2019) Inequality of opportunity in sub-Saharan Africa. *Applied Economics*, 51(60), 6428-6458. DOI: 10.1080/00036846.2019.1619018.
- Checchi, D. & Peragine, V. (2010). Inequality of opportunity in Italy. *The Journal of Economic Inequality*, 8(4), 429-450. DOI: 10.1007/s10888-009-9118-3.
- Checchi, D., Peragine, V. & Serlenga, L. (2015). Income Inequality and Opportunity Inequality in Europe: Recent Trends and Explaining Factors. In: *5th ECINEQ meeting*. University of Luxembourg.
- Cohen, G. A. (1989). On the currency of egalitarian justice. *Ethics*, 99(4), 906-944.
- Dworkin, R. (1981a). What is equality? Part 1: Equality of Welfare. *Philosophy & public affairs*, 10(3), 185-246.
- Dworkin, R. (1981b). What is equality? Part 2: Equality of resources. *Philosophy & public affairs*, 10(4), 283-345.
- Ferreira, F. & Gignoux, J. (2008). The Measurement of Inequality of Opportunity: Theory and an Application to Latin America. *Review of income and wealth*, 57(4), 622-657. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2011.00467.x.
- Ferreira, F. H. & Peragine, V. (2015). *Equality of opportunity: Theory and evidence*. The World Bank. DOI: 10.1596/1813-9450-7217.
- Gimpelson, V. & Treisman, D. (2018). Misperceiving inequality. *Economics & Politics*, 30(1), 27-54. DOI: 10.1111/ecpo.12103.
- Golley, J., Zhou, Y. & Wang, M. (2019). Inequality of opportunity in China's labor earnings: The gender dimension. *China and World Economy*, 27(1), 28-50.
- Hassine, N. (2012). Inequality of opportunity in Egypt. *The World Bank Economic Review*, 26(2), 265-295. DOI: 10.2307/41679561.
- Ibragimova, Z. & Frants, M. (2019). Inequality of opportunity in the Russian Federation: measurement and evaluation using micro-data. *Prikladnaya ekonometrika [Applied econometrics]*, 54, 5-25. DOI: 10.24411/2076-4766-2017-10001. (In Russ.)
- Ibragimova, Z. & Frants, M. (2020). Inequality of opportunity: theory and practice of measurement using RLMS_HSE microdata. *Ekonomicheskaya politika [Economic policy]*, 15(1), 64-89. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-64-89. (In Russ.)
- Kartseva, M. & Kuznetsova, P. (2020). Is income inequality fair in Russia? Inequality of opportunity and income inequality. *Prikladnaya ekonometrika [Applied econometrics]*, 58(2), 5-31. DOI: 10.22394/1993-7601-2020-58-5-31. (In Russ.)
- Kuznets, S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American economic review*, 45(1), 1-28.
- Marrero, G. & Rodríguez, J. (2013). Inequality of opportunity and growth. *Journal of Development Economics*, 104, 107-122. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2013.05.004.
- Marrero, G. A. & Rodríguez, J. G. (2012). Inequality of opportunity in Europe. *Review of Income and Wealth*, 58(4), 597-621. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2012.00496.x.
- McCall, L. (2013). Why Do Americans Care about Income Inequality? In: *The Undeserving Rich: American Beliefs about Inequality, Opportunity, and Redistribution* (pp. 137-185). Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139225687.006.
- Monusova, G. A. (2016). What shapes the perception of income inequality? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*, 60(1), 53-67. (In Russ.)
- Park, A., Curtice, J., Clery, E. & Bryson, C. (2010). *British Social Attitudes Survey: British social attitudes: The 27th report: exploring Labour's legacy*. London: SAGE Publications Ltd. DOI: 10.4135/9781446268254.
- Rampino, T., Brunori, P., Martinez Jr, A. & Western, M. (2018). *An international comparison of subjective perceptions of inequality of opportunity*. Retrieved from: <https://esacentral.org.au/images/RampinoT.pdf> (Date of access: 30.12.2020).
- Rawls, J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press. DOI: 10.2307/j.ctvjf9z6v.
- Roemer, J. (1998). *Equality of Opportunity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 128.
- Roemer, J. E. (1993). A pragmatic theory of responsibility for the egalitarian planner. *Philosophy & Public Affairs*, 22(2), 146-166.
- Sen, A. (1985). *Capabilities and commodities*. Amsterdam and New York: North-Holland, 130.
- Singh, A. (2012). Inequality of opportunity in earnings and consumption expenditure: The case of Indian men. *Review of Income and Wealth*, 58(1), 79-106. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2011.00485.x.
- Spignati, A. (2020). *Inequality of Opportunity, Inequality of Effort, and Innovation*. EUI Working Paper MWP 2020/02. European University Institute. Retrieved from: <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/66407> (Date of access: 30.12.2020).
- Tawney, R. H. (1964). *Equality*. London: Unwin Books, 255.

Информация об авторах

Малева Татьяна Михайловна — кандидат экономических наук, директор, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; <https://orcid.org/0000-0002-1483-0326> (Российская Федерация, 119034, г. Москва, Пречистенская наб., 11; e-mail: maleva-tm@ranepa.ru).

Карцева Марина Анатольевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; <https://orcid.org/0000-0002-4292-3597> (Российская Федерация, 119034, г. Москва, Пречистенская наб., 11; e-mail: kartseva-ma@ranepa.ru).

Кузнецова Полина Олеговна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; <https://orcid.org/0000-0002-1524-5620> (Российская Федерация, 119034, г. Москва, Пречистенская наб., 11; e-mail: kuznetsova-po@ranepa.ru).

About the authors

Tatyana M. Maleva — Cand. Sci. (Econ.), Director, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0000-0002-1483-0326> (11, Prechistsenskaya Emb., Moscow, 119034, Russian Federation; e-mail: maleva-tm@ranepa.ru)

Marina A. Kartseva — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0000-0002-4292-3597> (11, Prechistsenskaya Emb., Moscow, 119034, Russian Federation; e-mail: kartseva-ma@ranepa.ru)

Polina O. Kuznetsova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0000-0002-1524-5620> (11, Prechistsenskaya Emb., Moscow, 119034, Russian Federation; e-mail: kuznetsova-po@ranepa.ru)

Дата поступления рукописи: 29.12.2020.

Прошла рецензирование: 05.02.2021.

Принято решение о публикации: 27.05.2022.

Received: 29 Dec 2020.

Reviewed: 05 Feb 2021.

Accepted: 27 May 2022.